

ТРЕУГОЛЬНИК «ИНДИЯ – МЬЯНМА – КИТАЙ» (проблемы и компромиссы взаимодействия)

Введение

На геополитическом пространстве, на стыке Южной и Юго-Восточной Азии существует немало разнообразных взаимосвязей, интересов и противоречий, скажем, в конфигурации Индия – Мьянма – Таиланд, Индия – Бангладеш – Мьянма, Китай – Мьянма и др. (далее Мьянма или Бирма). В избранном для анализа треугольнике, в рамках которого относительно давно развиваются взаимодействия Индии, Китая и Мьянмы, главные их векторы определяются двумя крупнейшими в Азии и динамично развивающимися государствами, их прагматическими политическими и экономическими целями и интересами. Для обоих гигантов чрезвычайно важна и геостратегическая локация Мьянмы на перекрестье Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Чтобы дать ответ на ключевые вопросы, каковы место и роль Мьянмы в данном треугольнике и является ли Мьянма полем серьезного индийско-китайского соперничества или сотрудничества, целесообразно рассмотреть следующие направления их политики по отношению к Мьянме:

- геостратегические и геополитические интересы Индии и Китая и механизмы их реализации,
- эволюция их торгово-экономических связей с Мьянмой,
- индийско-китайская конкуренция в сфере энергетики,
- роль многосторонних структур сотрудничества, способствующих решению поставленных Индией и Китаем задач в треугольнике,
- особенности позиции и ответная реакция Мьянмы на курсы Индии и Китая.

Китайский вектор в треугольнике

Китай и Мьянма делят общую границу в 2200 км. Это соседнее государство занимает одно из ключевых мест в объявленной и поэтапно реализуемой китайскими лидерами **strate-**

гии «**Нити жемчуга**» в обширном индоокеанском регионе, который ныне называют не иначе, как Большой Индийский океан в силу повышения его значимости на мировой арене. Термин «нить жемчуга» получил широкое хождение в исследованиях и статьях (первая была опубликована в газете “Washington Times” 18 января 2005 г.) после первоначального его появления в докладе Аллена-Буза для одного из департаментов Пентагона.

Китай стремится заполучить здесь геостратегически важные подходы к Индийскому океану в целом, и в частности, через принадлежащие Мьянме порты и острова, а также установить контроль над Малаккским проливом, который играет чрезвычайно важную роль в международной стратегии. Китайские власти опасаются, что США единолично или в связке с Японией смогут пресечь в любой момент проходящие нефтяные потоки. Указанные стратегические цели настолько значимы для Пекина, что, по мнению американского аналитика Иосифа Бодянского, бывшего директора Отдела по терроризму и Конгресса США, Китай готов рисковать военным конфликтом с региональными государствами или даже с США. На наш взгляд, это высказывание представляется эффективным, но явным преувеличением, поскольку ВС и ВМФ Китая еще не способны вступать в открытую борьбу с ВС Пентагона, да и такой шаг противоречил бы нынешним установкам китайских лидеров на «мирное возвышение»¹.

Стратегия «нити жемчуга» предусматривает также обеспечение безопасности морских путей (Sea Lines of Communication – SLOCs), по которым доставляется большая часть нефти, газа, товаров и т.п. из Персидского залива и Африки по индоокеанским маршрутам для растущих потребностей страны, прежде всего, в энергоресурсах. Только через Малаккский пролив и Южно-Китайское море, которые не безопасны и из-за активности пиратов, в Китай транспортируется свыше 80% импортируемой нефти.

В настоящее время Китай не располагает ВМС, способными защитить SLOCs на всем их огромном протяжении. Ими обладают лишь США. В случае возможного вооруженного конфликта в районе, особенно вероятного вокруг Тайваня, энергетическая безопасность Китая будет поставлена под серъ-

езный удар. Существенно, что в отличие от ведущих промышленных держав Китай пока не имеет значительного Стратегического нефтяного резерва (SPR). Чтобы довести его до солидного уровня потребуются время. Вот почему доступы к бирманским портам и наземным путям через эту страну рассматриваются китайскими стратегами как жизненно необходимые и более дешевые.

Начало курса «открытых дверей» было положено во время визита Дэн Сяопина в Рангун еще в 1978 г., а затем, начиная с 1988 г. Пекин сумел постепенно заполнить образовавшийся политический и экономический вакуум, который возник после наложения мировым сообществом санкций на Мьянму из-за военного переворота. Близкие отношения между Мьянмой и Китаем привели и к политике расширенной эмиграции - к 2005 г. свыше миллиона китайцев переселились в Бирму. По словам профессора М.Малика, северная и центральная части Мьянмы постепенно трансформируются в огромный “China town” благодаря значительной помощи, займам, инвестиционным вливаниям, списанию долгов, открытию предприятий и объемам торговли Китая².

Помимо этого, Пекин всячески способствовал и способствует налаживанию связей между Мьянмой и Пакистаном, своим ближайшим долговременным союзником. Например, китайские руководители явно приложили руку к тому, чтобы после военного переворота 1988 г. высшие руководители двух государств обменялись визитами - Кхин Ньюнт посетил Пакистан в 2000 г., а Мушарраф побывал в Мьянме в 2001 г. Были установлены военно-технические отношения между странами. Так, пакистанские власти командировали двух ученых – ядерщиков из окружения известного ученого А.К.Кхана для работы в Бирме, а также для того, чтобы они избежали их сдачи США в 2001 г.

В ходе реализации стратегии «Нити жемчуга», одним из важнейших звеньев которой является Мьянма, Китай, вступивший в стадию превращения не только в мощное экономическое, но и военное государство, встретил ряд препятствий и проблем. Так, на левом фланге Мьянмы, на западных подступах к Малаккскому проливу вновь активизировалась борьба с

его давними соперниками (Вьетнамом, Малайзией и др.) за оспариваемые острова в Южно-Китайском море (ЮКМ) – Спратли и Парасельские, где разрабатываются месторождения нефти и газа. Китай добывает нефть и газ не только в пределах континентального шельфа, но и переходит к активному освоению глубоководных донных месторождений. Споры из-за островов существовали и ранее, но в 2002 г. была принята Декларация о принципах поведения заинтересованных сторон в ЮКМ³.

Не вдаваясь в детали и инциденты* нынешних осложнений, которые лишь частично касаются основного сюжета статьи, тем не менее, хотелось бы осветить некоторые меры, предпринимаемые Китаем для укрепления здесь своих обширных стратегических позиций и политического влияния. Так, Китай построил крупную базу ВМС на острове Хайнань в префектуре Санья в дополнение к уже действующей около Киндао на Желтом море и др. Судя по многочисленным фотоснимкам, сделанным “Google Earth” и “Digital Globe” с коммерческих спутников, база сможет принимать и обслуживать несколько надводных военных судов, атомные подводные лодки и даже авианосцы. Но самым любопытным и пугающим является возведение четырех входов в подводный туннель, в котором размещаются подлодки и ракеты разных модификаций. Здесь же имеется

* Категорическое препятствие попыткам крупнейших ТНК (например, British Petroleum и др.) проводить здесь дополнительную разведку и освоение новых нефте- и газоместорождений, вытеснение из региона вьетнамских и других рыболовецких судов, предостережение вьетнамской стороны от планов сотрудничества с нефтяной компанией «Экксон Мобил» в ЮКМ, где, по некоторым оценкам, запасы углеводородных ресурсов под его дном составляют свыше 3 млрд. тонн. 7 марта 2009 г. произошло столкновение между китайскими пограничными катерами и военным фрегатом США «Импеккабль», который занимался сбором разведанных и отслеживал действия китайских подводных лодок. Последний факт - это свидетельство хрупкости американо-китайского военного взаимодействия. По всей видимости, США явно обеспокоены морским строительством Пекина и вряд ли допустят его превосходство на море. Американские моряки с фрегата прямо заявили, что в следующий раз они не ограничатся мирным решением конфликта и откроют огонь.

оборудование для демагнетизации подводных субмарин, что делает невозможным их обнаружение⁴. Расположенная в 1200 милях от Малаккского пролива, новая база Китая, по мнению экспертов Академии стратегических и военных исследований Австралии, меняет баланс стратегических сил в регионе.

Параллельно Пекин расширяет аэродромы и опорные пункты на одном из островов Парасельского архипелага и Спратли. Его суда все чаще патрулируют воды у берегов Филиппин, Вьетнама и в спорных водах ЮКМ и ВКМ.

«Соседям Китая пора начать привыкать к присутствию китайских ВМС в азиатских водах», - заявил недавно отставной генерал НОАК Сюй Гуаньюй газете "South China Morning Post". Он утверждал, что на протяжении последних десятилетий Китай практически не присутствовал в своих Эксклюзивных экономических зонах (ЭЭЗ). По его мнению, это была ненормальная историческая практика. А ныне ВМС КНР возобновляют операции там. Если в прошлом они придерживались толерантного подхода к проблеме территориальных разногласий из-за того, что флот Пекина не был способен защитить китайские ЭЭЗ, то теперь ему становится под силу выполнение этой задачи. Хотя, как считает другой представитель военных кругов, адмирал Ву Шеньли, флоту все еще не хватает высокоскоростных торпед, электронного вооружения, ракет дальнего действия высокой точности и т.п. Лишь приступив к реализации программы строительства авианосцев, Китай сможет в будущем обеспечивать свои национальные морские интересы на более широких океанских пространствах⁵.

Крупнейшие морские державы – США и Япония, которые заинтересованы в безопасности Малаккского пролива и окружающих морей не меньше чем Китай, рассматривали подобные акции Пекина довольно долго как бы сквозь пальцы, не выступая открыто в качестве арбитров в возможном споре за острова или в ущемлении свободы морского судоходства⁶. Однако в начале лета 2009 г. группа конгрессменов США публично вмешалась в этот спор в пользу отдельных членов АСЕАН и призвала к большему вниманию со стороны Пентагона к развитию ситуации. В США растут опасения, что со временем Китай,

возможно, запланирует создание серьезного противовеса американскому флоту в бассейне Тихого океана⁷.

Другая, не столь заметная стратегическая цель Пекина - ускоренная реализация выдвинутого в 2000 г. крупного **проекта развития** «закрытых», западных и юго-западных провинций Китая – Юньнани, Сычуани и др. Для осуществления поставленной программы столь же важны углубление разностороннего сотрудничества и тесных экономических взаимосвязей с прилегающими к ним провинциями Мьянмы и возможность использования ее портов и сухопутных коммуникаций для выхода через коридор реки Иравади в Бенгальский залив. Все еще остро стоит также вопрос об ослаблении и затем урегулировании таких приграничных проблем, как контрабанда оружия, наркотрафик, отмывание денег, незаконная иммиграция и т.п., хотя следует признать, что ситуация на территории между китайской и бирманской границей спокойнее, чем, скажем, между индийско-бирманской.

Это не мешает незаконному проникновению наркотиков или беженцев в южные провинции и, несомненно, вызывает беспокойство китайских властей.

Выстраивая курс по отношению к Мьянме, Пекин, безусловно, принимает во внимание многие факторы глобального и регионального уровня – и прессинг жесткой критики мирового сообщества, и разновекторную реакцию членов АСЕАН на бирманский режим (вопреки принципу невмешательства во внутренние дела друг друга), и растущий интерес со стороны ряда государств, прежде всего, Индии к открывшимся в Мьянме естественным богатствам, и меняющиеся геостратегические условия на стыке Индийского и Тихого океанов, особенно в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях (ЮКМ и ВКМ).

Основные направления в курсе Китая

Какие механизмы использует Пекин для воплощения своих целей на двустороннем уровне? Кратко их можно свести к следующим:

- **военное сотрудничество и соглашения** (1988, 1990, 1994 и др.), по которым Китай поставляет на сумму в несколько

миллиардов долл. в Мьянму не только обычное, но и высоко-технологичное современное вооружение – разного типа ракеты, ракетные катера, танки, истребители J-6 и J-7, электронное и сигнальное разведывательное оборудование и т.п. С 1990 по 2005 гг. Китай поставил Бирме 74% закупаемого оружия на сумму 1.7 млрд. из 2.3 млрд. долл. По данным ЦРУ США, в 2005 г., на военные нужды Бирма затратила примерно 2,1% от своего ВВП. Это составило 80% от общих государственных затрат (однако с конца 90-х гг. прошлого века бирманские власти значительно диверсифицировали закупки оружия за счет поставок из России, Украины, Пакистана, Сингапура и Индии, о чем речь пойдет ниже).

Технические специалисты НОА Китая расширили авиабазу Мейктила к югу от Мандалая и переоборудовали небольшую базу в Лашио, модернизировали и милитаризовали бирманские порты в Бенгальском заливе в Ситве, в Кьяуриу и Мергуи с тем, чтобы они могли принимать океанские суда, построили крупную морскую базу на острове Хэнгиу возле дельты реки Иравади. По данным доклада, подготовленного Индией в конце 90-х гг. минувшего века, когда отношения между Пекином и Дели оставались довольно напряженными, китайские специалисты были замечены за работой по крайней мере на 9 морских базах. Много споров и разговоров вызывала среди военных аналитиков судьба базы на острове Большие Коко, находящимся всего в 70 км от индийских Андаманских островов. На фотографиях, сделанных со спутников, база на Коко имеет взлетную полосу длиной в 1,5 км, а также сигнально-разведывательное электронное оборудование (SIGINT), способное прослушивать морские и ракетные устройства на Андаманских и Никобарских архипелагах, передвижения судов ВМС Индии и других флотов в восточной части Индийского океана и через Малаккский пролив⁸.

Почему ситуация вокруг островов Большие Коко вызывала настороженность экспертов ряда стран? По одним источниками, они были сданы в аренду Китаю, по другим, - они напрямую управляются китайскими военными. Австралийский специалист в области стратегии Э. Силт вообще поставил под сомнение вопрос о существовании SIGINT на этих островах. Но

хорошо известно, что между Мьянмой и Китаем существует еще с 1990 г. весьма доверительное соглашение об обмене разведанными. Кроме того, вполне вероятно, что, завершив монтаж оборудования на базе, китайские специалисты и военные инструкторы регулярно совершают поездки для проверки его работы, а также возможно для сбора секретной информации с установленной аппаратуры типа SIGINT⁹.

- **помощь** в создании современной **инфраструктуры**, замене разбитых дорог, обветшалых мостов и виадуков, строительстве портов и объектов в семи точках на бирманском побережье. Китай подписал с Мьянмой в 2004 г. соглашение на строительство трубопровода длиной в 1 250 км от глубоководного порта Ситве до Куньмин, столицы провинции Юньнань. Возведение трубопровода обойдется Китаю примерно в 2 млрд. долл., сократит путь доставки 10% нефти на 1820 км. В середине 2007 г. была завершена разработка проекта строительства газопровода стоимостью в 1.04 млрд. долл., который может быть проложен вдоль нефтяного. Китайские специалисты осуществили дренажные работы вдоль реки Иравади, построив также параллельно шоссе и железную дорогу от Бхамо до портов Янгон и Тхилва¹⁰.

- **политическое и экономическое влияние** Пекина на режим Бирмы, которое, безусловно, укреплялось в последние десятилетия, но не являлось абсолютным. К примеру, события 7 сентября 2007 г. продемонстрировали как его высокую степень (по сравнению с другими государствами), так и его границы, хотя нельзя не признать, что Китай сыграл ключевую роль в период этого кризиса, получившего название «шафрановой революции», и в ряде других. Это было важно в условиях всеобщего жесткого неприятия в мире режима военной хунты и политики в сфере прав человека и т.п.

Нельзя не отметить особую гибкость и умение китайских властей использовать все рычаги влияния для укрепления китайско-бирманских отношений и, прежде всего, так называемую «мягкую силу». Суть ее механизма состояла в том, что Китай, будучи единственным азиатским постоянным членом Совета Безопасности ООН, в январе 2007 г. наложил вето на его резолюцию, критикующую внутреннюю политику Мьянмы.

Подобную позицию Пекин занимал и на других международных форумах. В ответ «благодарные» власти Бирмы предоставляли Китаю целый ряд преимуществ и в создании военных объектов, и в получении более выгодных концессий в разработках газа, и т.п.¹¹.

- важное место в развитии взаимосвязей занимала **торговля**, которая до 1988 г. была ограниченной из-за того, что границы Мьянмы были закрыты. Спустя лет 15 после их открытия – она значительно выросла и с 2001 г. Китай стал крупнейшим партнером Бирмы, а с 2004 г. объем китайских товаров достиг 1/3 официального импорта, не считая приграничной, не всегда законной торговли, которую трудно учитывать, особенно наркотиками. Сюда же не всегда входила торговля оружием. В 2005 г. объем торговли Китая с Мьянмой уже составил 1,2 млрд. долл. от общего бирманского объема торговли в 5 млрд. долл. К январю 2010 г. китайские инвестиции достигли 1.848 млрд. долл., что составило 15% всех инвестиций в страну. Объем взаимной торговли в 2008 г. поднялся до уровня в 2.626 млрд. долл., показав его увеличение на 26.4% по сравнению с предыдущим годом¹².

С начала действия торговых санкций, наложенных на Мьянму, Китай продолжал осуществлять экономическую и деловую кооперацию, включая предоставление помощи, поставлял сырье и техническое оборудование, используя связи с общественным сектором. Так, в период с 1990 по 2002 гг. им были созданы не менее 480 (по другим источникам около 800) предприятий, что свидетельствует о высокой степени вовлеченности китайского бизнеса в экономику Мьянмы¹³. В отличие от компаний Китая некоторые фирмы Запада, Японии или Южной Кореи вынуждены были уйти из Мьянмы.

Эволюция индийского курса в треугольнике

Мьянма является столь же важным звеном в курсе **Индии** “**Look East Policy**” 1991 г., в чем-то схожим с ее местом в китайской стратегии «Нити жемчуга», только в противоположном географическом направлении – не на юг, а на восток. Индийско-бирманские отношения восходят к временам, когда обе страны были частью британской империи. Они были омрачены

определенной долей антииндийских настроений в силу того, что индийцы занимали большую часть позиций в управленческих колониальных структурах, что естественно не вызывало любовь к ним со стороны коренного населения. Этот факт отчасти объясняет также, почему бирманские власти долго смотрели сквозь пальцы на деятельность антииндийских группировок в северо-восточных штатах Нага, Мизорам и др. и их связь с подобными собственными движениями и криминалом на границе.

Поворотным моментом во взаимосвязях нынешнего этапа стал визит Министра иностранных дел Индии Дж.Н.Диксита в Мьянму в середине 1993 г. В начавшемся процессе сближения двух государств несомненно вызывает любопытство и закономерный вопрос, как и почему крупнейшая в Азии демократия сделала крутой поворот в своем отношении к военному режиму Мьянмы? Что руководило индийскими властями – экономические и, прежде всего, энергетические интересы, или динамика «*realpolitik*»? Почему они избрали при реализации курса «Ориентации на восток» Мьянму, а не Бангладеш?

Ведущие политологи, специалисты по ЮВА далеко не единодушны в своей оценке и заняли довольно разные позиции по этой проблеме. Французский эксперт Р. Эгрето считал, что Индия должна была поступить прямо противоположно при решении ее проблем в беспокойных северо-восточных штатах (NER) и выхода в АСЕАН. По его мнению, индийские руководители должны были подумать дважды перед принятием окончательного выбора в пользу Мьянмы¹⁴.

В целом изменения индийской политики по отношению к Мьянме были встречены ею с удовлетворением – ведь страна в еще большей степени расширяла пространство взаимосвязей после длительного периода изоляции.

Профессор Самир Кумар Дас из Колкатского университета особо подчеркивал, что выбирать то Индии было не из чего – и в той и в другой стране правили военная хунта или власти, поддерживаемые генералами. К тому же, Бангладеш, как полагал ученый, могла бы и не предоставить надлежащие условия для реализации “Look East Policy” (о некоторых проблемах с этой страной будет сказано далее). В Индии появились крити-

ческие высказывания и комментарии в адрес нового курса и другого характера. Некоторые аналитики заявляли, что в его нынешнем виде используются исторические и культурные корни, сопричастные Индии и тем или иным соседним странам, с тем, чтобы, прежде всего, облегчить расширение потоков товаров и сервиса между ними.

Между тем поначалу в “Look East Policy” почти ничего или, по крайней мере, мало говорилось о движении людей через территориальное пространство, которое исторически было разделено и преобразовано после деколонизации. Ломка старого пространства и формирование иной геополитической конфигурации с новыми границами сделала перемещение людей незаконным и привела к появлению болезненных и опасных приграничных проблем. Сторонники такого взгляда надеются, что в будущем власти обратят больше внимания на подобного рода особенности региона и предпримут меры для развития обменов “people-to-people”. От этого все заинтересованные стороны только выигрывают¹⁵.

Основные направления «бархатной политики»

Существуют несколько ключевых причин, почему все же после длительного периода индийские лидеры нашли изоляцию Мьянмы непродуктивной, ослабили свою критику военного режима и перешли к новой «бархатной политике» в отношении Мьянмы или политике **конструктивного вовлечения**. Это – 1. поиски стабильности и социально-экономического развития крайне беспокойных семи штатов на северо-востоке, 2. расширившиеся экономические и ресурсные возможности Бирмы, особенно после открытия значительных залежей газа и нефти, наконец, 3. стратегические интересы в Бенгальском заливе и во всей восточной части Индийского океана. С этим регионом тесно связаны попытки Дели не только сбалансировать растущее здесь китайское присутствие и влияние, но и установить комфортность режима подходов из Индийского океана к Тихому океану и ВА, куда явно устремлены индийские политические и военно-стратегические интересы в последние годы.

Итак, Мьянма – это мост в ЮВА и АСЕАН, а через нее в ВА, с одной стороны, а с другой, - возможность совместными с

Мьянмой усилиями пресечь акции повстанцев в северо-восточном районе (NER) - в Ассаме, Наге и др. штатах и криминальных элементов в приграничных районах. Ситуация здесь не поддавалась решению в течение нескольких десятилетий. Несколько факторов способствовали живучести повстанческого движения – помощь со стороны Восточного Пакистана и Бангладеш, доступность дешевого оружия из Китая, возможность во время скрыться на другой стороне границы, где проживали те же этнические группы населения и действовали тренировочные лагеря, а состояние гражданской войны было характерно для Мьянмы в течение многих лет.

Эффективность совместных действий по стабилизации ситуации была неоднозначна. К примеру, в 2005-2007 гг. удалось уничтожить несколько лагерей, однако к 2008 г. в регионе все еще существовало до 30 мобильных повстанческих лагерей с отлично налаженной информационной сетью. Они принадлежали различным движениям местных этнических групп населения – NCSN-K и NSCN-IM (фракции Национального социалистического совета) в Наге, ULFA (Объединенный фронт освобождения Ассамы), PLA (Народный фронт освобождения) в Манипуре и др., действующие из отдаленных горных мест в западной части Мьянмы. Атмосфера для акций повстанцев весьма «благоприятна», поскольку зачастую между ними и местными полицейскими и военными силами устанавливается тесная связь путем подкупа, незаконных сделок, отмывания денег и т.п. Этому способствуют подпольная экономика и низкий уровень жизни солдат и полицейских¹⁶.

Хотя власти Бирмы неоднократно заявляли о запрещении подобной деятельности на территории своей страны, обстановка даже ухудшалась в силу того, что регион стал рынком продажи легкого и мелкого оружия, доставляемого из Северной и Юго-Восточной Азии через Мьянму. Кроме того, NER и приграничная полоса постепенно превращались в прибежище для исламистских террористических групп типа Аль-Каиды и Ласкар-и-Тоиб (Laskar-e-Toiba) с признаками соучастия Внутренней службы разведки Пакистана (ISI) и Управления общей полевой разведки Бангладеш (DGFI). Подтверждением служит,

например, факт ареста в августе 2007 г. в Морехе 15 оперативников, подозреваемых в связях с Аль-Каидой¹⁷.

Однако осенью 2009 г. бирманские власти активизировались и предприняли широкое наступление против баз одной из группировок, расположившихся на границе с Китаем. Более того, по данным профессора Д.В.Мосякова, бирманские военные собираются нанести новые атаки. Эти шаги говорят о стремлении Бирмы усилить борьбу со связанными с Пекином повстанцами с целью решить две задачи. С одной стороны, возможно, мьянмская хунта намеревалась этими акциями стабилизировать приграничные с Китаем районы и частично ослабить напряженность в отношениях с Пекином в данном контексте¹⁸. А с другой, - пойти навстречу просьбам индийской стороны об усилении взаимопомощи в подавлении деятельности повстанцев разного толка в приграничных регионах. Хорошо известно, что в ходе визитов индийских политиков и военных высоких уровней в Мьянму начиная с 2002-2004 гг., в последующие годы и особенно в ходе визита генерала Тан Шве в 2010 г. в Нью-Дели, эти проблемы всегда оказывались в центре дискуссий относительно путей их совместного решения.

Индия, так же как и Китай, оказалась перед лицом некоторых других «нетрадиционных рисков» безопасности, исходящих со стороны Мьянмы. Это незаконные поставки наркотиков (опиум и метамфетамин), перемещение людей и беженцев из Бангладеш, Китая, Таиланда, распространение эвианского гриппа и др. Мьянма является вторым после Афганистана крупнейшим производителем опиума. Своего пика продажа наркотиков достигла в 2000 г. на сумму в 200 млн. долл. Но затем произошло падение в производстве. По оценкам Дж. Аламжира из Массачусетского университета, с 1996 по 2006 гг. площадь под посевы мака сократилась на 87% или с 163 тыс. до 21,5 тыс. га (за этот период Афганистан стал главным поставщиком опиума). Воздействие подобного спада огромно для мьянмского сельского населения, которое, по данным Доклада о мировом производстве наркотиков, подготовленном соответствующей структурой ООН, не имеет другой возможной стратегии для выживания¹⁹.

Безусловно указанные проблемы в приграничных территориях – это негативный фактор в отношениях двух стран, который не способствует их более позитивному развитию. Между тем, улучшение взаимоотношений с Мьянмой было крайне важно и для другой стратегической цели индийских лидеров - подорвать курс Пекина на **окружение** с трех сторон Индии, сломать выстраиваемую им ось из «буферных стран» - в составе Бангладеш, Пакистана, Бутана, помешать Китаю заполучить границы «де факто» на берегах Бенгальского залива.

В целом политика Индии была скорее реактивной, а не активной, стратегически и логически выстраиваемой программой. По существу Индия шла след в след за шагами Китая, у нее зачастую отсутствовали элементы креативности, инновационности. И индийские лидеры, и политики, и эксперты-стратеги не могли не признавать реальность китайско-индийского соперничества в треугольнике и вне его границ. Они неустанно подчеркивали в сознательно выбранной политически и дипломатически корректной форме, что существует достаточно широкое пространство в Азии и для Индии и для Китая в их устремлении к росту и процветанию, к расширению зон влияния. По их мнению, в интересах обоих поднимающихся гигантов здоровое соревнование лучше острого соперничества. Тем не менее «китайский фактор» всегда присутствует в индийских политических расчетах, особенно касающихся ее ближайших соседей. И хотя Индия имеет наиболее обширное тревожное, беспокойное окружение по сравнению с другими государствами в Азии, в конечном итоге индийское руководство не раз демонстрировало мудрость и умение решать многие сложные проблемы в этом контексте.

Плюсы и минусы индийского курса

Есть и успехи, и промахи в индийском курсе. С 2002 г. после длительного отказа от продаж вооружения бирманской хунте Индия стала все же поставлять в эту страну оружие, первоначально ограничившись легкими его видами для борьбы с повстанцами. Затем поставки были расширены и включали радары, производимые государственной корпорацией «Бхарат Электроникс», 105-мм легкие артиллерийские пушки, радиоус-

тановки «воздух – земля», некоторые типы самолетов и др. По оценкам специалистов, этот шаг индийского руководства должен был вызвать у бирманских властей сочувствие и симпатию по отношению к попыткам Индии решить проблемы безопасности на северо-востоке и усилить позиции в операциях против повстанцев в Татмадоу и других районах²⁰. А с другой стороны, эти поставки снижали зависимость Бирмы исключительно от китайского *вооружения*.

Однако реакция мирового сообщества на эти продажи была неоднозначна, поскольку она шла в разрез с различными санкциями, накладываемыми на военное правление Бирмы.

Вместе с тем Индия постепенно добилась лучшего взаимопонимания с бирманскими военно-морскими силами – 1. Индия заполучила право на **стоянки** и дозаправку в некоторых портах (первый заход состоялся в декабре 2002 г. в порт Тилава, построенный сингапурскими и китайскими компаниями); 2. Индия стала проводить с мая 2003 г. совместные ежегодные морские **маневры** в Андаманском море; 3. Индия предложила программу обучения мьянмских морских офицеров и летчиков в индийских военных школах и академиях²¹.

Подписав вместе с Таиландом и Бирмой соглашение в 2004 г. о строительстве шоссе от северо-восточных районов через Мандалай и Рангун до Бангкока, Индия получила выход к глубоководному порту в Доуи и другим точкам на берегах Мьянмы. Доступ к порту Доуи особенно важен для индийских ВМФ и их стратегии в регионе в целом, поскольку на расположенных напротив него Андаманских островах Индия реализовала амбициозные планы по строительству высококлассно оборудованной и передовой базы в порте Блэр и размещению здесь Дальневосточного морского командного управления. Это означало укрепление позиций ВМС Нью Дели не только в Бенгальском заливе и Андаманском море, но и на подступах к Малаккскому проливу и далее к выходу через Южно-Китайское море в Тихий океан.

Те же меры предпринимались на западном берегу Индостана – строились базы в Карваре, Чабахаре на иранской территории совместно с Ираном и т.д. Таковы были ответы Индии на «морское окружение», предпринятое и осуществляемое Китаем

на противоположной стороне Индийского субконтинента, где Пекин последовательно выстраивал опорные пункты в Гвадаре, порт и бункер в Хамбантоте на Шри-Ланке, в Марао. Столь же большую озабоченность у индийских руководителей вызывают планы бирманских военных строительства ядерного реактора, в которых могут участвовать и Пакистан, и Китай, и другие государства (о чем будет сказано ниже).

Чтобы удерживать ход событий под прицелом, Индия продолжала развитие военно-технических связей с Мьянмой. В 2006 г. Президент Индии Абдул Калам в ходе визита в Бирму предложил новый пакет помощи в размере 40 млн. долл. на военные поставки и дальнейшую координацию совместных действий против повстанцев на северо-востоке²².

Как и Пекин, Дели предпринимает практические меры по созданию **инфраструктуры** в Мьянме на двустороннем уровне и в рамках АСЕАН. К середине 2007 г. Индия завершила многомиллионное проектирование совместно с Мьянмой Каладанского шоссе, чтобы соединить штат Мизорам с портом Ситве на побережье Бенгальского залива. Продолжается прокладка дороги от Мореха (штат Манипур) до Калева в Мьянме, которую назвали «дорогой дружбы» двух стран. Но в ходе реализации проекта между ними возникали трения и неувязки. Так, долгое время не была решена судьба отрезка Тамму-Калева-Мандалай. По первоначальным планам его должна была возвести Мьянма, но нехватка финансовых средств, нестабильность пограничного района вынуждали бирманских властей обращаться за дополнительной помощью скорее к Китаю, чем к партнеру по проекту. В июле 2010 г. Индия предложила Бирме помощь на строительство дороги Рхи-Тидим на сумму в 60 млн. долл.

Кроме строительства дорог с помощью Индии ведется организация Информационного парка в Мандалае, создание опτικο-волоконной сети длиной в 6 км до Тамму, а на второй фазе проекта - от Морех до Мандалая (около 500 км) и т.п. Индийская организация по изучению космоса (ISRO) оказала содействие в создании Центра по сенсорингу и сбору данных, с использованием индийских спутников²³.

Но Дели не удалось поднять уровень взаимной торговли даже спустя 15-20 лет после ее установления, на что очень рассчитывала индийская сторона. Чиновники высоких рангов с гордостью заявляли во время дипломатических обменов визитами об их надежде довести его к 2006 г. до 1 млрд. долл., однако к 2007-2008 гг. уровень торговли равнялся только 900 млн. долл. Лишь в 2009-2010 гг. он достиг запланированных сумм. Существовало несколько серьезных препятствий в этой сфере. Так, многие индийские инвесторы и бизнесмены вынуждены были пересмотреть степень своей деловой вовлеченности в Бирме из-за неэффективности банковской системы и экономической нестабильности в целом, широкой практики коррупции, подкупа, взяточничества, отсутствия законодательства по защите коммерческой деятельности и т.п. Неслучайно, многие представители индийских деловых кругов, которые давно поселились в Рангуне, предпочитают представлять и действовать через более доходные и выгодные сингапурские и малазийские компании, тем самым способствуя развитию торговых связей Мьянмы скорее с АСЕАН, чем с Индией.

Кроме того, коммерческие отношения Бирмы с Индией были ограничены несколькими специфическими секторами. К примеру, индийская сторона импортировала 2/3 бирманских бобов и их продукты, а также древесину и изделия из нее, драгоценные камни, рис для населения СВР и т.д. Мьянма импортировала товары из Индии лишь на 150 млн. долл. Одно из главных мест среди них занимала фармацевтическая продукция, производимая в основном такими индийскими компаниями, как «Рэнбэкси» и «Доктор Редди». Другие товары довольно редко можно встретить на бирманских рынках, так как они не были конкурентно способными по сравнению с более дешевыми товарами из Таиланда и Китая. Видимо, поэтому индийские инвестиции были сфокусированы главным образом на крупных государственных инфраструктурных проектах – строительстве железных дорог, портовых сооружений, гидроэлектростанций и т.п.²⁴.

Тем не менее, существуют ниши, благодаря которым Индия могла бы улучшить взаимодействия с партнером. Чтобы преодолеть ощущение политического и экономического превосходства Китая, его более высокого уровня влияния, Индии

необходимо было бы более эффективно продвигать свои собственные цели в этих же сферах. Индийскому руководству стоило бы обратить внимание на налаживание более тесных культурных и личностных отношений со всей местной элитой и обществом, а не опираться только на бирманских индийцев, а внутри собственной страны активнее сглаживать критику интеллектуалов по вопросам «бархатной политики» в Мьянме и демократии в целом.

Работая как бы за сценой, власти Индии должны были бы активнее помогать освобождению из-под домашнего ареста лидера мьянмской демократической оппозиции Аун Сан Су Чжи, которая известна своими симпатиями к Индии, где она училась и проживала несколько лет. По-видимому, Индии необходимо было бы четче определить стратегию по отношению к Бирме, рассматривать ее в качестве не только сухопутных, но морских ворот в ЮВА и вкладывать больше средств в широкую программу строительства дорог, мостов и в приграничных, и особенно во внутренних районах, заметнее проявлять себя в гуманитарной сфере (помимо помощи после урагана Наргис в 2008 г.), обновить свой имидж в стране, даже в диссидентских кругах, с учетом негативного исторического прошлого.

Краеугольным камнем, существенно повлиявшим на углубление двусторонних отношений и расширение программ взаимодействий, стал государственный визит лидера хунты Тан Шве в Индию в июле 2010 г. По итогам пятидневных обсуждений наиболее значимых проблем, стороны подписали пять соглашений – 1. договор о взаимопомощи по борьбе с терроризмом и по криминальным пограничным вопросам; 2. договоренность о предоставлении гранта Индией для выполнения проектов по малому бизнесу; 3. договоренность о сотрудничестве в информации; 4. соглашение о сотрудничестве в сфере науки и технологий; 5. договоренность о сохранении и реставрации храма Ананда в Багане (Мьянма).

Надо признать, что индийские власти уже приступили к попыткам компенсировать свои промахи и недостатки в экономической и торговой сферах путем реализации нескольких мер по другим каналам взаимодействия – в Бирме были созданы Центры по изучению английского языка, по развитию пред-

принимательства, по расширению обучения информационным технологиям, по подготовке специалистов для промышленных предприятий в Пакокке и др.²⁵

Растущие связи и их новое качество и теплота побудили Запад и особенно США призвать Индию как крупнейшую демократию в мире повлиять на военную хунту с тем, чтобы она предприняла необходимые меры по изменению принципов своего правления. Накануне визита генерала Тан Шве в Индию в июле 2010 г. один высокопоставленный чиновник Госдепа США прямо высказался на пресс-конференции о том, что у таких государств как Индия, у которой налажены длительные и дружественные отношения с Мьянмой, существует ответственность и возможность для того, чтобы убедить хунту в продвижении по пути демократии и защиты региона от риска распространения ОМУ (о вероятности такой опасности речь пойдет ниже).

Однако хорошо известно, что индийское руководство всегда придерживалось принципа мирного сосуществования с государствами с любыми формами правления и не верило в экспорт идеологий. Об этом, в частности, заявлял министр иностранных дел Индии Пранаб Мукерджи в июне 2006 г. в своем выступлении перед элитой Сингапура. Со своей стороны хунта стала признавать статус Индии как самой крупной демократии в мире. По существу, одной из целей визита Тан Шве в Дели в июле 2010 г. перед всеобщими выборами в Мьянме было достижение их правдоподобности путем завоевания одобрения со стороны Нью-Дели. Военное руководство ясно демонстрировало, что их единственной целью должна стать т.н. «дисциплинированная демократия», в условиях которой, если их правление сможет удержаться во власти, то продвижение к демократии будет приветствоваться.

Тем не менее, всеобщие выборы, которые состоялись 7 ноября 2010 г. впервые за два десятилетия, рассматривались местными активистами и Западом в качестве политической уловки, способствующей сохранению полувекового пребывания хунты у власти. В целом Индия одобряла предстоящие выборы как шаг вперед, а Премьер-министр Манмохан Сингх особо подчеркивал важность процесса национального прими-

рения на широкой основе и демократических изменений, происходящих в Мьянме²⁶.

Китайско-индийское соперничество в энергетике

Пожалуй, самой сложной (а иногда довольно драматичной) сферой является **энергетика**, где по понятным причинам наиболее остро сталкиваются интересы Китая и Индии. После открытия на рубеже веков газовых месторождений Ядана, Ятагуна и Аракан были введены в эксплуатацию к 2007 г. еще свыше 25 офшорных блоков в заливе Моттама, у берегов Танинтари, Ракхине и Шве. Резервы газа здесь достигают примерно 540 млрд. куб. м, что сравнимо с запасами таких крупнейших производителей, как Австралия и Ирак. Разработками занимались компании из Австралии, Британии, Франции, Канады, Китая, Индонезии, Индии, Малайзии, России, Южной Кореи и Таиланда. В том же году нефть и газ принесли 2 млрд. 94 млн. долл. дохода в мьянмскую казну, что составило свыше 30% всех бюджетных поступлений. Только с одного месторождения в Шве, эксперты компании Дэу ожидают с 2010 г. по меньшей мере получение 86 млн. долл. чистого дохода ежегодно в течение 20 лет. По разным оценкам местных специалистов, Бирма рассчитывает зарабатывать от 800 млн. до 3 млрд. долл. в год или около 2 млрд. долл. в течение 40 лет²⁷.

Однако добыча газа с месторождения в Шве внесла свои коррективы в индийско-бирманские и в индийско-китайские отношения. Первоначально было решено, что в течение более 2 лет добываемый газ с блока-1 в Аракане будет предназначаться исключительно для индийского рынка и будет перегоняться по наземному трубопроводу через штаты Аракан и Чин, далее через Бангладеш и крайне рискованные штаты NER в Колкату. Между тем бангладешские власти, прежде чем разрешить пересечение своей территории поставили перед Индией несколько условий – осуществление торговых поставок в Непал и Бутан по индийской территории; передача электроэнергии из Непала и Бутана в Бангладеш таким же путем; меры по снижению дисбаланса в индийско-бангладешском торговом обороте. Переговоры по этим вопросам шли трудно и долго. Мьянма, воспользовавшись моментом, подписала Меморандум о взаимопони-

мании с компанией PetroChina о продаже львиной доли газа с полей месторождений в Аракане Китаю даже без их эксплуатации.

В своем решении бирманские власти исходили из неуклонно растущей китайско-бирманской торговли, готовности китайской стороны не только покупать нефть и газ в огромных объемах, но и эксплуатировать местные ресурсы (по данным Обзора 2008 г., за короткий срок свыше 69 китайских компаний оказались участниками разработок месторождений нефти, газа, минералов и строительства ГЭС), а также из возможности получения более выгодных цен, из желания диверсификации покупателей своих ресурсов и т.п. Представителям Индии было сказано, что газа хватит всем. Но пока Индия прорабатывала и просчитывала другой обходной маршрут с помощью бельгийских экспертов, мьянмские власти заявили о неготовности перекачки газа по будущему трубопроводу и предпочли предложение Пекина о строительстве 900-км трубы к китайской границе. Она станет частью запланированной огромной связки в 2 380 км от Шитве до Чонгкинга в Китае²⁸.

Ситуация сложилась весьма напряженная и деликатная, но как представляется, последней каплей в решении вопроса о продаже газа в пользу Китая стал весьма весомый факт вето Китая в Совете Безопасности ООН в январе 2007 г. на американские санкции против военного режима в Бирме, который уже отмечался выше. Так политика довольно грубо вмешалась в экономику.

Существенно, что по некоторым данным, Бирма даже теряла довольно значительные суммы, отдавая предпочтение Китаю, который соглашался покупать газ по 4.28 долл. за млн. Btu (британская тепловая единица или 0,252 большой калории), что было ниже индийского предложения в 4.76 долл. Таким образом игра на ценах, которую Пекин привычно применял не без успеха в других регионах мира и в других торгах, не имела места. Иностранцы прямо интерпретировали такой крутой поворот в столь чувствительной ситуации как откровенную награду Пекину за дипломатическую и политическую поддержку режима Мьянмы, которая оказалась много важнее, чем высокая стоимость прямых экономических выгод²⁹.

Спустя некоторое время, после длительных переговоров в сентябре 2007 г. компании Индии ONGC-Videsh все же удалось получить доступ к разработкам других трех блоков на офшоре в Аракане. Однако некоторые эксперты склонны полагать, что это столкновение из-за ресурсов не последнее между Индией и Китаем не только конкретно в Мьянме, но и в других регионах.

Вместе с тем сектор энергетики становится областью растущей кооперации Дели и Рангуна. Они совместно работают над проектом ГЭС на реке Чиндвин, которая в перспективе даст от 600 до 1000 мГв электричества. Мьянма обещала продавать Индии до 80% мощностей от дамбы в Сагаинге с тем, чтобы покрыть расходы на некоторые строительные проекты. Обе стороны согласились на изучение бирманских возможностей в сфере солнечной и ветряной энергии, где у индийской стороны уже существуют наглядные наработки и она готова обеспечить обучение соответствующих специалистов³⁰.

Роль многосторонних структур сотрудничества

Тем не менее, существуют области, где оба азиатских гиганта и Мьянма находят дополнительные точки соприкосновения для углубления сотрудничества, но в рамках многосторонних структур. Несколько примеров:

– **БИМСТЭК** создана в 1997 г. в составе Бангладеш, Индии, Мьянмы, Шри Ланки, Таиланда, в 2004 г. к ней присоединились Бутан и Непал. Бенгальская инициатива по многосекторальному техническому и экономическому сотрудничеству предоставляла и Индии и Мьянме широкое поле для дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества. В границах БИМСТЭК, задуманной как мост между СААРК и АСЕАН, были сформированы сначала 6, а затем всего 13 секторов для осуществления программ по торговле, инвестициям, технологиям, развитию человеческих ресурсов, туризму, энергетике, транспорту, рыболовству, сельскому хозяйству, культуре и др. Индия, как наиболее развитое государство, возглавила сектора по транспорту и коммуникациям, туризму, окружающей среде и природным катаклизмам, а также по борьбе против терроризма и транснациональных преступлений. Мьянма стала председателем секторов по энергетике и сельскому хозяйству.

Какие выгоды и преимущества получали Индия и Мьянма от участия в БИМСТЭК? В 2004 г. на очередном саммите организации было подписано важнейшее соглашение о поэтапном создании Зоны свободной торговли (ЗСТ) на пространстве стран-участниц – на первой фазе в трех наиболее продвинутых государствах – в Индии, Шри Ланке и Таиланде, а на второй, спустя несколько лет, - в остальных четырех странах, включая Мьянму.

Большое внимание организация придает укреплению кооперации в борьбе против терроризма, развитию солидарности и дружественных связей, обмену информацией между членами, а также поискам доноров и поддержки со стороны международного сообщества и международных структур, создавая тем самым значимые условия для формирования заметного профиля БИМСТЭК на мировой арене³¹.

Индийские лидеры, улучшая взаимосвязи с Мьянмой, надеялись, что решение проблем NER будет логично интегрировано в рамки БИМСТЭК путем реализации идеи «треугольника роста» в составе Индии, Мьянмы и Бангладеш при поддержке Азиатского банка развития и UNDP*. К сожалению Бангладеш не проявила интереса к проекту. Однако шансы на создание новой конфигурации в БИМСТЭК повысились благодаря желанию Таиланда стать ее участником³².

Одним из значительных препятствий на пути развития и БИМСТЭК и других союзов в Азии является слабая инфраструктура. Когда в организации стали выдвигаться вполне зримые черты проекта по преодолению транспортных проблем и возникла перспектива создания огромной трансазиатской связки через Мьянму, Индию и Бангладеш, последняя заявила о возможности формирования «квадрата роста», который может соединить Пенанг (Малайзия), Рангун (Мьянма), Ченнаи (Индия), Коломбо (Шри Ланка), Лаем Чабанг (Таиланд) и Читтагонг (Бангладеш). Подобные примеры создания иных конфигураций взаимоотношений будь то в рамках БИМСТЭК или еще где-либо (СААРК или АСЕАН) свидетельствуют о том, что Азиатские государства стремятся оптимизировать через новые

* United Nation Development Program.

динамичные формы сотрудничества все выгоды и возможности от либерализации и глобализации мировой экономики.

В рамках БИМСТЭК идет диверсификация торговых связей между Индией и Мьянмой. Индия предоставила преференциальный тариф на ряд товаров, импортируемых из Бирмы, - на лесную продукцию, драгоценные камни, бобовые и др.

Развитие туризма – еще одна область сотрудничества Индии и Мьянмы с упором на NER, регион, который является исключительно привлекательным для туристов благодаря экзотической флоре и фауне, природному ландшафту, уникальным видам ремесел и специфической кухне. Индия инициировала в 2005 г. на саммите БИМСТЭК «Колкатскую декларацию по сотрудничеству в туризме» с надеждой подключить к ней Мьянму³³.

- Инициатива **Куньмин** действует с 1999 г. в составе Бангладеш, Китая, Индии и Мьянмы. Ее цель – углубление экономического сотрудничества и, прежде всего, в совершенствовании инфраструктуры. Реализуются проекты прокладки дорог от Сычуани и Юньнани до берегов Бенгальского залива.

- проекты **Большой Меконг** для шести стран бассейна этой реки, выдвинутый по инициативе Азиатского банка развития в 2000 г., а также **Меконг – Ганга** 2000 г. предусматривавший развитие сотрудничества в туризме, культуре, образовании Индии, Мьянмы, Таиланда, Лаоса, Вьетнама и Камбоджи³⁴.

Китайская гидростроительная компания (Syno Hydro Corp. Ltd.) выступила инициатором огромного **проекта** по возведению 12 **электростанций** в Китае, Мьянме и Лаосе при поддержке Азиатского банка развития, который предоставит 6 млрд. долл. Объекты будут объединены в единую круговую сеть «Mekong Power Grid» и снабжать электричеством не только несколько регионов стран-участниц проекта, но и Таиланда и Вьетнама³⁵.

Формирующиеся геоэкономические и геополитические модели многостороннего сотрудничества требуют учета большого числа факторов. Хотя эти структуры предоставляют немалые возможности для поисков дополнительных каналов взаимодействия и кооперации для их участников, их реализа-

ция не так проста, как это может показаться на первый взгляд. Существуют много разновекторных интересов, неоправданных мотиваций и высоких амбиций, недостает оптимальных оценок собственных возможностей, много непредвиденных рисков и противоречий при достаточно широком выборе партнерских комбинаций и альянсов, много внутренних и внешних условий и особенностей развития как каждого из участников взаимодействий, так и быстроменяющейся обстановки в регионе и мире. Одним словом – это «большая игра» с другими правилами и с неизвестным победителем. В целом обширной теме многостороннего сотрудничества в рассматриваемом регионе, безусловно, необходим отдельный детальный анализ.

Мьянма ищет баланс

Как Мьянма реагирует на политику Индии и Китая? Почему Мьянма заинтересована в укреплении взаимодействий с обоими гигантами? Есть ли у Мьянмы другие партнеры для нахождения баланса как в регионе, так и в треугольнике? Следует подчеркнуть, что страна прошла непростой путь от изоляции, закрытости через нейтралитет, затем «конструктивное вовлечение» после ее вступления в 1997 г. в АСЕАН, наконец, к конечной цели – переходу к более демократичному правлению.

Безусловно, ныне руководству хотелось бы диверсифицировать в большей степени свои внешние связи, чтобы нейтрализовать негативизм и критицизм США и ЕС, а иногда и АСЕАН. При этом Бирма стремится избавиться от прежних клише, когда ее считали «китайским клиентом» де факто или виртуальным китайским сателлитом или опасным звеном в индийско-китайском региональном соперничестве и т.п. С начала XXI в. Мьянма неоднократно отвергала наличие какого-либо военного присутствия китайских ВС на ее территории или существования стратегического союза с Пекином. Двигаясь в сторону диверсификации своей дипломатии, бирманское руководство пыталось ослабить свою зависимость от слишком напористого, а порой агрессивного Китая по разным направлениям (в торговле, инвестициях, поставках оружия и т.п.) и позволяло Индии и другим крупным державам «обхаживать» себя.

Так, в 2000-2005 гг. Россия обошла Китай по поставкам оружия в Мьянму. Ее продажи составили 59% импорта страны, хотя следует отметить, что поставки были спорадические - были годы, когда они не осуществлялись. Однако в апреле 2006 г. высокопоставленная делегация из Бирмы побывала в Москве и вела переговоры о предоставлении Россией капиталовложений в проекты гидроэнергетики и коммуникаций. В обмен помимо допуска российских компаний к разработкам ресурсов газа и нефти, Москва согласилась на снабжение Мьянмы некоторыми видами вооружения – воздушных систем защиты «Тор-М1» и «Бук—М1-2», а также истребителей МиГ-29. Кроме того, российской стороной было предложено строительство заводов по ремонту оружия, которое в свое время закупалось в бывшем Советском Союзе. По мнению военных экспертов, эта сделка должна была положить конец китайской монополии в этой области. На самом деле, эти заводы служили бы как российским, так и китайским интересам, поскольку использовались бы и для ремонта китайского оружия. Но по большому счету, эти попытки диверсификации источников вооружения путем налаживания кооперации с Россией, Кореей, Пакистаном и другими странами, предпринимаемые военным режимом, были нацелены на снижение зависимости от Китая³⁶.

Перевооружаясь, Бирма выделяла ничтожные суммы на такие статьи бюджета, как здравоохранение и образование (0,5% и 0,9% соответственно). Это меньше половины того, что затрачивала Индонезия, следующая страна с самыми низкими расходами на эти же цели среди членов АСЕАН, и ниже показателей других наименее развитых стран Ассоциации – Лаоса и Камбоджи³⁷.

В целом, бирманские руководители стремились в перспективе ослабить китайское влияние, в том числе и за счет укрепления связей с Индией. Однако они считают, что усиление роли Индии, которая была бы способна выступить в качестве противовеса Китаю, шло медленнее, чем хотелось бы, из-за того, что у Дели нет законченного стратегического видения развития индийско-мьянмских отношений, не было четкой позиции относительно возможности перехода Мьянмы к управлению страной на многопартийной основе и т.п. Но сами бирманские вла-

сти делали дружественные жесты в поддержку Индии в ее стремлении добиться места постоянного члена Совета безопасности ООН, зная заведомо, что их главный партнер – Китай выступает против. Во время визита в Индию в 2010 г. Тан Швей вновь подтвердил поддержку Мьянмы по этой проблеме и информировал также о поддержке кандидатуры Индии на место непостоянного члена СБ ООН на 2011-2012 гг.³⁸. В целом в Мьянме шаг за шагом меняется отношение к Индии и на более низком уровне – все большей популярностью стали пользоваться индийские товары, индийские инвестиции, достижения и опыт в освоении информационных технологий и т.п.

Нельзя не заметить, что в Мьянме ищут возможности сбалансировать свое положение в регионе за счет расширения взаимосвязей не только с Индией, но и с другими партнерами, среди которых важное место занимает **Таиланд**. Выбор Таиланда закономерен. Это ворота в АСЕАН, это одно из наиболее динамично развивающихся государств АСЕАН, это крупный региональный инвестор (например, 6-ое место в Индии). Страна подписала ряд соглашений по учреждению Зон свободной торговли, в том числе с той же Индией. Ее руководители проводят прагматическую политику лавирования между Индией и Китаем, они более сговорчивы в переговорах по тем или иным вопросам по сравнению с Мьянмой и Бангладеш.

Бирма использует различные направления в развитии отношений со своим соседом как в рамках двусторонних, так и многосторонних структур. Так, в 2004 г. в Рангуне было подписано министрами иностранных дел трехстороннее соглашение между Индией, Мьянмой и Таиландом о строительстве транспортной связки между странами, включая шоссе длиной в 1400 км, которое соединит северо-восточные штаты Индии с Мандалаем, Рангуном и Бангкоком. Запланированный глубоководный порт Доуи вместе с новым шоссе от него до Канчанабури в Таиланде несомненно улучшат связи и станут новым вкладом в развитие торговли между странами- участниками проекта³⁹.

Таиланд является важнейшим инвестором и торговым партнером Мьянмы, хотя следует признать, что наибольшую выгоду для него представляют энергетические ресурсы, особенно газ. После открытия газовых резервов в Ядане в 1998 г.,

который оценивается в 150 млрд. куб м, Таиланд стал участником (26%) консорциума по их эксплуатации в составе Тотал, Юнокал и бирманской МОГЕ. Газ транспортируется по морскому газопроводу к границе между Мьянмой и Таиландом и далее к Бангкоку, где им снабжаются две электростанции в Раткабури и Ванг Нои. Газ из Ядана покрывает до 15-20% потребностей Таиланда в этом топливе. В другом консорциуме (Тексако, Ниппон и британская Премьер) по разработке месторождения в Ятагуне Таиланд также участвует с 2000 г., но с более скромной долей в 19%. К 2006 г. Бирма экспортировала в Таиланд газ на сумму в 422 млн. долл.⁴⁰. Рыбаки Таиланда довольно агрессивно прочесывают воды Мьянмы, нарушая Закон об Эксклюзивной экономической зоне и подписанное с ней соглашение о разграничении пограничных вод.

Таиланд проявляет заинтересованность в расширении взаимодействий с соседом в сфере развития гидроэнергетики. В 2005 г. было подписано соглашение о строительстве четырех дамб на реке Салвин и одной – на реке Тенассерим. В строительстве одной из дамб на Салвине в 228 м высотой (одной из самых высоких в ЮВА) наряду с таиландской компанией EGAT (Electricity Generating Authority of Thailand) по-видимому будет участвовать китайская Sino Hydro Corp. Ltd.⁴¹.

Все эти примеры свидетельствуют о высокой степени интереса некоторых государств к экономическим возможностям Мьянмы. Однако их деятельность, как и многих ТНК в Мьянме вызывали неоднозначную реакцию в мировых деловых и политических кругах. Хотя бирманские власти всячески «зазывали» иностранных инвесторов с целью расширить добычу нефти и газа, несколько крупных западных компаний были вынуждены вывести свои капиталы по политическим мотивам. Так, под давлением многочисленных протестов против военного правления в Мьянме (бирманского демократического движения, Национальной Лиги за демократию и других неправительственных организаций и Европы, и США), Европейский Союз ввел свои санкции в 1996 г. Американский президент Билл Клинтон наложил в 1997 г. запрет на инвестиции американских компаний. И в дальнейшем острая критика и практические меры в отношении Мьянмы не прекращались.

Были случаи вынесения судебных решений против отдельных компаний, выдвинуты новые более жесткие санкции - замораживание банковских счетов и виз на въезд в США для военных руководителей Мьянмы, принят администрацией Дж. Буша Акт 2003 г на запрет деловой и финансовой деятельности в Бирме, который, однако, позже был признан неэффективным. В целом, по оценкам ряда аналитиков, торговые и иные санкции против Мьянмы в определенной мере подорвали местное производство, например, одежды^{*}, задерживали рост прослойки среднего класса и независимых торговцев и даже ослабляли материальную базу для поддержки оппозиционных режиму кругов в стране⁴². Все эти тенденции демонстрируют особо тесную (возможно, как нигде) связь между экономикой и политикой, которая красной нитью проходит по многим сферам ее отношений с внешним миром и особенно, как было показано выше, в энергетике.

Станет ли Мьянма ядерной?

Одним из важных факторов внешнеполитического курса Бирмы в первом десятилетии нового века становится все явственное желание режима заполучить помощь в строительстве ядерного исследовательского реактора. Впервые об этой программе заговорили в Мьянме с 2000 г., но довольно туманно. По некоторым источникам, сначала речь шла о помощи в данной сфере со стороны Пакистана и Китая. Затем с 2002 г. появилась информация о возможной российской поддержке, а с 2003 г. северокорейской вовлеченности в проект. По индийским источникам, было обнаружено присутствие и работа двух пакистанских ученых-атомщиков в Бирме. Это произошло, когда они оказались в списке подозреваемых в связях с террористами, предоставленном пакистанскому руководству CIA США в конце 2001 г. В этом же году бирманский режим обращался в Международное агентство по ядерной энергетике (IAEA) за

^{*} В апреле 2004 г., согласно докладу Госдепартамента США о положении в Мьянме, более чем 100 предприятий по производству одежды были закрыты и в результате этого 50 000 – 60 0000 человек потеряли работу.

разрешением об оказании помощи в создании исследовательского реактора⁴³.

Амбициозные планы были отложены на неопределенное время из-за того, что страна не могла оплачивать их осуществление в то время твердой валютой. Когда на Бирму обрушился водопад газодолларов после открытия и последующей эксплуатации крупных газо- и нефtezалежей компаниями из Китая, Индии, Южной Кореи и других государств, страна стала обладательницей солидных резервов иностранной валюты. В этих условиях руководство Мьянмы вновь вернулось к проекту создания реактора и обратилось к России в мае 2007 г. После длительных переговоров было подписано соглашение о строительстве реактора мощностью в 10-мегаватт. Российское атомное агентство (Росминатом) обязалось спроектировать реактор, оказать помощь в поисках и выборе места, доставке ядерного топлива и снабжении соответствующим оборудованием и материалами. Была информация, по крайней мере, о двух точках для реактора – Калагок Кьун и об изолированном острове в провинции Мон, где находится одно из крупнейших в стране залежей урановой руды⁴⁴.

Помимо реактора соглашение предусматривало также строительство лаборатории для производства медицинских изотопов и оборудования для хранения ядерных отходов. Стоимость проекта не оглашалась. Приблизительно он оценивался в 500 млн. долл. Вполне резонно, эти факты вызвали немало толков в мировом сообществе экспертов, которые, исходя из опыта Северной Кореи и ее ядерной программы, полагали, что при принятии решения о строительстве ядерного реактора мьянмское руководство не могло не учитывать некоторые стратегические аспекты сделки. И хотя до начала 2010 г. не было никаких подтверждений того, что Бирма ищет пути приобретения ядерного оружия, ее настойчивое стремление реализовать ядерный проект, вполне вероятно, исходило и исходит именно от лидеров военного режима⁴⁵.

Возникают вопросы - не являются ли эти первые шаги Мьянмы на пути к новому статусу, весьма опасному, как показывает мировая практика в данной сфере? Какие далеко идущие цели преследует бирманское военное руководство? В на-

чале лета 2010 г. в мировой печати просочилась информация относительно желания военных Бирмы начать подготовку к разработке собственной ядерной программы. Об этом говорится в докладе, подготовленном местной оппозиционной организацией «Демократический голос Бирмы».

Как отмечает газета «Вашингтон Пост», получившая копию доклада, он основан на документах и фотографиях, вывезенных из страны бирманским офицером. Насколько эти материалы соответствуют действительности пока еще трудно сказать. Даже сами авторы доклада допускают, что информация может быть недостоверной. Но с другой стороны, их сочетание с другими источниками на эту же тему позволяет в определенной мере быть уверенным в том, что Мьянма продвигается к ядерным технологиям. Вместе с тем доклад признает отсталость страны в технологическом плане. Так что, судя по всему, до реализации программы создания ядерного оружия Бирму будут отделять годы и годы. В целом, информация, безусловно, требует тщательной перепроверки.

Но даже в такой форме она настораживает. Не случайно, представители Пентагона и Государственного департамента США, например, выразили опасения по поводу растущих военных связей Мьянмы с КНДР, которая, по-видимому, не прекращает заниматься распространением опасных материалов вопреки санкциям. Настораживает это и в силу того, что по северному периметру зоны Индийского океана может сформироваться чрезвычайно взрывная дуга из ядерных или пороговых или вероятно теневого государств, начиная от Ирана (при всех его зигзагах в данной сфере), Пакистана, Индии, Мьянмы (?) и до Северной Кореи⁴⁶. Как будут развиваться события в данном контексте, трудно спрогнозировать. Ответ на вопрос может дать только время.

¹ Цит. по Ashild Kolas, "Burma in the Balance: the Geopolitics of Gas" – Strategic Analysis, vol. 31, Issue 4, July 2007, p.636.

² Mallik Mohan, "Burma's Role in Regional Security" – Burma Myanmar Strong regime Weak State?, M.B.Pedersen, E.Rudland and R.J.May (eds.), Adelaide, Crawford House Publishing, 2000, p. 241-277; L.S.Singh, "BIMSTEC Perspective in India-Myanma Relations and Northeast India Factor" – World Focus, vol. XXIX, N 1, January 2008, p.25.

³ Gupta Ranjit, "Myanma in the China-India Equation" – Asian Strategic Review 2008, ed. by S.D.Muni, Institute for Defence Studies and Analysis (IDSA), New Delhi, Academic Foundation, 2008, p.316, 320; Asian Perspective, vol. 33, N 4 2009, p. 60.

⁴ Strategic Analysis, vol. 32, N 5, September 2010, p.715-716.

⁵ Компас, ИТАР-ТАСС, № 27, 24.06.2010, с. 29; Asian Perspective, vol. 33, N 4 2009, p. 64.

⁶ См. Локшин Г., «Международная конференция в Ханое: станет ли Южно-Китайское море зоной региональной безопасности и развития?» – Проблемы Дальнего Востока, № 2, Март-Апрель 2010, с. 152-161; Лебедева Н.Б., «Нить жемчуга» - стратегия Китая в зоне Индийского океана» – в печати, сборник статей памяти проф. Г.Л.Бондаревского.

⁷ Компас, № 27, 24.06.2010, с. 30.

⁸ Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p.989; Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p. 635-636.

⁹ Khurana G.S., China`s "String of Pearls" in the Indian Ocean and its Security Implication – Strategic Analysis, vol. 32, N 1, January 2008, p.13, 17.

¹⁰ McCarthy S., "Burma and ASEAN" – Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 916.

¹¹ Khurana G.S., *ibid.*, p. 10, 14

¹² Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 979, 981, 994; Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p. 631; World Focus, vol. XXXI, N 10, October 2010, p. 457.

¹³ Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/ December 2008, p.988.

¹⁴ Egreteau R., "Instability at the Gate: India`s Troubled Northeast and External Connections", New Delhi, 2001, N 16, Centre de Sciences Humaines, p. 160-161.

¹⁵ Baruah A. and Das S. K., "The Look East Policy and the Northeast: New Challenges for Development", 2007, Symposium on Northeast India and the Look East Policy, mimeo.

¹⁶ Egreteua R., "India`s Ambitions in Burma: More Frustration Than Success?" - Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p.946-947.

¹⁷ World Focus, vol. XXIX, N 1, January 2008, p.26.

¹⁸ Мосяков Д.В., «Большая «игра» в Юго-Восточной Азии», - Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XIII, Юго-Восточная Азия, 2008-2009, М., ИВРАН, 2009, с. 10.

¹⁹ UNODC, World Drug Report, 2007, p. 213; Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 983, 991; Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p. 638.

²⁰ Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 946; Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p. 638.

- ²¹ World Focus, vol. XXIX, N 1, January 2008, p. 952.
- ²² Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p. 637.
- ²³ World Focus, vol. XXIX, N 1, January 2008, p. 948-949; World Focus, vol. XXXI, N 10, October 2010, p. 455.
- ²⁴ см. Alamgir J., “Myanma’s Foreign Trade and its Political Consequences” – Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 977-996; World Focus, vol. XXXI, N 10, October 2010, p.456.
- ²⁵ World Focus, vol. XXXI, N 10, October 2010, p. 458.
- ²⁶ Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2008, p.634; World Focus, vol. XXXI, N 10, October 2010, p. 457.
- ²⁷ British Petroleum, BP Statistical Review of World Energy, June 2007.
- ²⁸ Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p.950; Turnell S., “Burma’s Insatiable State” – *ibid.*, p. 962-963.
- ²⁹ см. Chakraborti T., “BIMSTEC: Origin, Growth and Progress”; Singh L.S., “BIMSTEC Perspective in India-Myanma Relations and Northeast India Factor” etc. - World Focus, vol. XXIX, N 1, January 2008, p.5-14; p.22-28; p. 32,33,37; World Focus, vol. XXVIII, N 10, October 2007, p.375.
- ³⁰ World Focus, vol. XXXI, N 10, October 2010, p.456.
- ³¹ World Focus, vol. XXIX, N 1, January 2008, p. 23.
- ³² *Ibid.*, p. 32.
- ³³ *Ibid.*, p. 26.
- ³⁴ Hong Z., “India’s Changing Relations with ASEAN: from China’s Perspective” – The Journal of East Asian Affairs, vol. 20, N 2, Fall/Winter 2006, p. 141- 170.
- ³⁵ Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p. 631.
- ³⁶ *Ibid.*, p.632; Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p.989.
- ³⁷ Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 965, 966.
- ³⁸ World Focus, vol. XXXI, N 10, October 2010, p. 458-459.
- ³⁹ Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p.637.
- ⁴⁰ *Ibid.*, p. 628.
- ⁴¹ Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p.631.
- ⁴² *Ibid.*, p.629-631; Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p.993-994; Kudo T., “The Impact of US Sanctions on the Myanmar Garment Industry” – Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 998.
- ⁴³ Strategic Analysis, Journal of IDSA, vol. 31, issue 4, July 2007, p.632.
- ⁴⁴ *Ibid.*, p. 633.
- ⁴⁵ Asian Survey, vol. XLVIII, N 6, November/December 2008, p. 974.
- ⁴⁶ Washington Post, 03.07.2010 – цит. по «Пульс планеты» ИТАР-ТАСС, АТР, 07.06.2010, с. АК-11, АК-12.